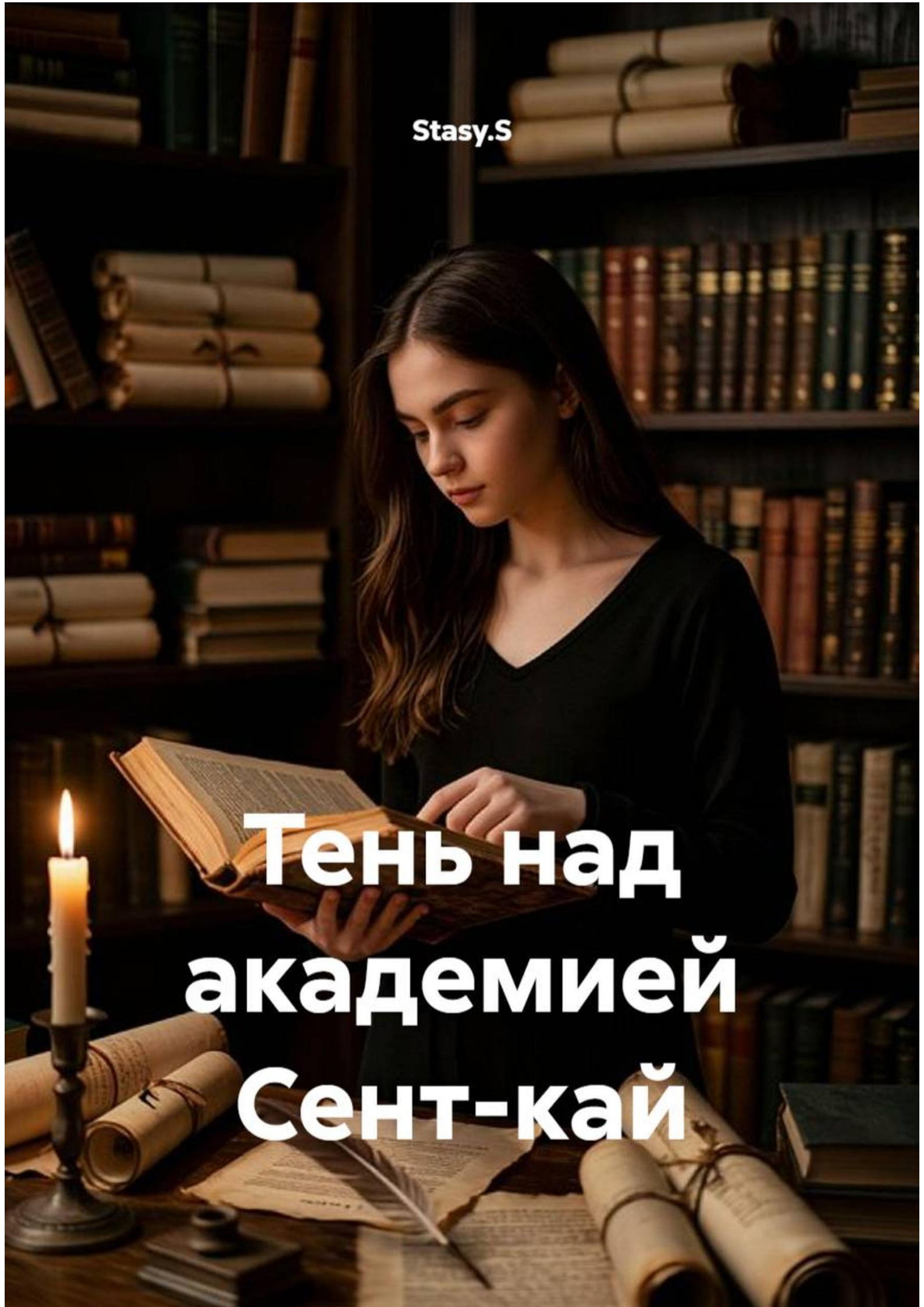

Stasy.S

Тень над академией Сент-кай

Stasy.S

Тень над академией Сент-кай

«Автор»

2026

Stasy.S

Тень над академией Сент-кай / Stasy.S — «Автор», 2026

Ада Блэквуд — не супергерой. Она не обладает магией и не побеждает злодеев одной левой. Она просто внимательная. Она считает. Она записывает. И она не боится задавать вопросы. Мне кажется, это и есть настоящая суперсила.

Содержание

Пролог. Тот,кто считает	5
Глава 1. Двадцать четвёртый	9
Глава 2. Девочка из Мельбурна	12
Глава 3. Мисс Харлоу	16
Глава 4. Тот, кто наблюдает	19
Глава 5. Мэтти Уорд	22
Г	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тень над академией Сент-кай

Пролог. Тот,кто считает

В академии Сент-Кай всегда пахло лавандой и ложью.

Первый запах был приятным — его создавали садовники, высаживавшие кусты вдоль каменных дорожек каждую весну. Второй — не имел запаха вовсе, но Ада Блэквуд чувствовала его кожей, как сквозняк из приоткрытого окна. Ложь в Сент-Кае жила повсюду: в улыбках преподавателей, в оценках, которые ставились не за знания, в шепоте за спиной, в идеально выглаженной форме и в глазах учеников, слишком быстро научившихся не смотреть друг другу в лицо.

Ада стояла у окна своей комнаты на третьем этаже восточного крыла и смотрела, как по двору идут первокурсники. Их было двадцать три. Она пересчитала дважды, потому что привыкла пересчитывать всё.

Двадцать три. В прошлом году было двадцать шесть.

Трое не доехали. Официально — «перевод в другие учебные заведения». Неофициально — Ада знала имена всех троих, потому что вела тетрадь. Чёрную, в кожаном переплёте, с цифрами на корешке, которые ничего не значили для посторонних. Тетрадь лежала в тайнике под половицей, и в ней было записано то, о чём не говорили вслух.

Академия Сент-Кай находилась в двух часах езды от ближайшего города, в старом поместье, которое когда-то принадлежало семье, чьё имя теперь произносили только шёпотом. Четыре корпуса, соединённые крытыми галереями. Часовня без креста — её перестроили в библиотеку. Пруд, в котором запрещалось купаться. И лес, подступавший к самой ограде, — густой, тёмный, живой.

Аде было шестнадцать. Она училась здесь третий год и знала главное правило Сент-Кая: здесь не задают вопросов. Ни о переводах, ни о ночных криках со второго этажа западного крыла, ни о том, почему в столовой всегда накрывают на одно место больше, чем учеников.

Она отвернулась от окна и посмотрела на пустую кровать напротив.

— Ну и где тебя носит, Лин? — спросила она вслух.

Дверь открылась.

— Я здесь, — сказала Лин Окада, входя в комнату с двумя стаканами чая. — И я принесла взятку. Ты не ела с утра.

Лин была единственным человеком в Сент-Кае, которому Ада доверяла. Не потому, что Лин была идеальной — она была хаотичной, болтливой и вечно опаздывала. А потому, что она ни разу не соврала Аде. За два года — ни разу. Ада проверяла.

— Ты видела новенькую? — Лин поставила стаканы на стол и уселась на кровать, поджав ноги. — Ту, что приехала вчера?

— Рыжая. С чемоданом, на котором наклейки из аэропортов. Семь наклеек. Приехала из Мельбурна, но чемодан новый, куплен в Лондоне.

Лин моргнула.

— Ты познакомилась?

— Я посмотрела в окно.

— Ада.

— Что?

— Это ненормально. Ты знаешь, что это ненормально?

— Ненормально — это то, что в этом году в списке первокурсников двадцать четыре фамилии, а приехали двадцать три. — Ада взяла стакан. Чай был горячим, с бергамотом. — Двадцать четыре, Лин. Я видела список в кабинете мисс Харлоу, когда относил эссе.

Лин перестала улыбаться. Это было одной из причин, по которым Ада её любила: Лин понимала, когда нужно перестать улыбаться.

— Кто двадцать четвёртый?

— А вот это интересно. — Ада села напротив, скрестив ноги. — Фамилия в списке есть, но почерк другой. Не машинописный, как остальные. Дописано от руки. Чернилами. И знаешь, что ещё?

— Что?

— Я проверила архив. В прошлом году в списке было двадцать семь фамилий. Двадцать шесть приехали. В позапрошлом — двадцать девять. Приехали двадцать шесть. — Она сделала паузу. — Кто-то ведёт счёт. И этот кто-то не любит, когда числа не сходятся.

В коридоре прозвенел звонок. Первый звонок нового семестра. Лин вскочила.

— Ада, — сказала она тихо. — Ты понимаешь, что если ты права, то нам лучше молчать?

— Я всегда молчу, — ответила Ада. — Я записываю.

Она допила чай, надела пиджак и, выходя, бросила взгляд на кровать напротив. Под половицей у окна лежала чёрная тетрадь. В ней было сорок три страницы. На последней — список имён.

Три имени были вычеркнуты.

В актовом зале пахло воском и пылью. Первокурсники сидели на первых рядах, сбившись в кучу, как овцы, чувствующие волка. Ада села на предпоследний ряд, у прохода. Лин — рядом.

Директор, мистер Грейвс, поднялся на сцену. Ему было под шестьдесят, у него были седые виски и голос, которым можно было заморозить воду. Он говорил о традициях, о чести, о том, что Сент-Кай готовит «лучших из лучших». Ада слушала вполуха и смотрела на первокурсников.

Рыжая новенькая сидела на третьем ряду, одна. У неё были веснушки и руки, которые не находили себе места: она то теребила рукав, то поправляла воротник, то сжимала колени. Она нервничала. Не как остальные — те боялись. Эта — искала.

Ада проследила за её взглядом. Новенькая смотрела на пустое место в конце второго ряда.

Пустое место. На котором лежала белая карточка с именем.

Ада прищурилась. Расстояние было большим, но она умела читать по губам и знала, как выглядят буквы. Карточка гласила: «Э. ВЭЙЛ».

В списке было двадцать четыре фамилии. Двадцать три ученика. И одна карточка на пустом месте.

После собрания Ада подошла к стенду с расписанием и сделала вид, что изучает его. Новенькая стояла неподалёку, делая то же самое. Их разделяли три шага и тишина.

— Ты знаешь, кто такой Э. Вэйл? — спросила Ада, не поворачивая головы.

Новенькая вздрогнула.

— Что? Нет. Я... я никого здесь не знаю. Я вообще не понимаю, что происходит.

— Тогда зачем ты смотрела на его место?

Пауза. Новенькая облизала губы.

— Потому что оно было единственным пустым. И потому что карточка была новой. Все остальные выцвели. А эта — белая.

Ада впервые за день посмотрела на неё прямо. Рыжие волосы, зелёные глаза, упрямый подбородок. И взгляд — внимательный, цепкий. Такой, какой бывает у людей, которые привыкли замечать то, что другим не нужно.

— Как тебя зовут? — спросила Ада.

— Мира. Мира Кэллоуэй.

— Ада Блэквуд. — Она протянула руку. Мира пожала её — крепко, без колебаний. — Добро пожаловать в Сент-Кай, Мира. Правило первое: здесь не задают вопросов.

— А правило второе?

Ада улыбнулась впервые за неделю.

— Правило второе: если уж задаёшь — задавай правильные.

Глава 1. Двадцать четвёртый

Ночью Ада не спала.

Она лежала в темноте, слушая дыхание Лин — ровное, глубокое, — и смотрела в потолок. В Сент-Кае потолки были высокими, с лепниной, и по ночам лепнина отбрасывала тени, похожие на лица. Ада знала это с первого курса. Она знала и то, что тени — это просто тени. Но знала и другое: в Сент-Кае простое случается редко.

В час ночи она встала. Надела свитер поверх пижамы, сунула ноги в ботинки, достала из тайника тетрадь и фонарик. Лин не проснулась — она всегда спала как убитая, и Ада давно перестала считать это совпадением.

Коридор третьего этажа восточного крыла был пуст. Лампы днём горели вполнакала, а ночью выключались совсем, и Ада шла, держась рукой за стену. Двадцать три шага до лестницы. Восемнадцать ступеней вниз. Ещё двенадцать шагов до галереи, соединявшей восточное крыло с главным корпусом.

Галерея была стеклянной. За окнами — чёрный двор и лес вдалеке. Луны не было.

Ада остановилась.

В дальнем конце галереи, у двери в главный корпус, стояла фигура. Невысокая, в тёмном. Фигура не двигалась.

Ада не испугалась. Страх в Сент-Кае был роскошью; она научилась откладывать его на потом, как письмо, которое не хочется читать. Она просто стояла и смотрела.

Фигура подняла руку. Не угрожающе — медленно, как будто здоровалась. Потом повернулась и исчезла за дверью.

Ада дошла до двери. Открыла. Коридор главного корпуса был пуст. На полу, у порога, лежала белая карточка.

«Э. ВЭЙЛ», — гласила она. Та же самая, что была в актовом зале.

Ада подняла её. На обороте было написано от руки, мелко, чернилами:

«Ты считаешь. Хорошо. Считай дальше. Начни с пруда».

Утром она рассказала Лин.

— Ты сошла с ума, — сказала Лин, но глаза у неё горели. — Ты понимаешь, что это значит?

— Что кто-то знает, что я делаю. И что этот кто-то хочет, чтобы я делала это дальше.

— Или что кто-то хочет, чтобы ты сунула нос куда не следует и тебя поймали.

— Тоже вариант, — согласилась Ада. — Поэтому мы пойдём вместе.

— Мы?

— Ты же не думала, что я пойду одна?

Лин посмотрела на неё долгим взглядом. Потом вздохнула.

— Ладно. Но если нас поймают, я скажу, что ты меня загипнотизировала.

Пруд находился за часовней, в низине, окружённой ивами. Купаться в нём запрещалось с незапамятных времён, и никто толком не знал почему. Ада слышала версии: холодные ключи, сильное течение, «что-то в воде». Последняя версия ей нравилась больше всего, потому что была честнее остальных.

Они пришли туда в сумерках, когда все были на ужине. Вода была чёрной и гладкой, как стекло. Ива плакала ветвями.

— И что мы ищем? — прошептала Лин.

— Не знаю. Что-то, что можно найти.

Ада обошла пруд по краю. Берег был илистый, но у самой кромки воды, там, где ивы подступали ближе всего, она заметила след. Не ноги — что-то волочили. Полоса примятой травы, ведущая к воде. И у самой воды — обрывок ткани. Синий, тонкий, с белой полосой по краю.

Форма Сент-Кая. Младшие классы.

— Ада, — тихо сказала Лин. — Здесь кто-то был.

— Здесь кого-то тащили, — поправила Ада. — Смотри: трава примята в одну сторону. И обрывок зацепился за корень. — Она присела, не касаясь ткани. — Это недавно. Может, вчера.

— Ты думаешь, это связано с...

— С двадцать четвёртым? Не знаю. Но карточка сказала начать с пруда. И вот мы здесь.

Она достала тетрадь и записала: дату, время, описание. Потом аккуратно, веточкой, подцепила обрывок ткани и завернула в носовой платок.

— Уходим, — сказала она. — Скоро стемнеет.

Они успели. Уже у галереи, когда зажглись фонари, Лин схватила Аду за руку.

— Смотри.

На стекле галереи, с внутренней стороны, кто-то нарисовал пальцем по конденсату — три цифры.

24

И ниже, мельче:

он вернулся

В ту ночь Ада не спала снова. Она сидела на подоконнике с тетрадью на коленях и смотрела на лес за оградой.

Она думала о троих вычеркнутых именах. О двадцати трёх первокурсниках вместо двадцати четырёх. О карточке с именем, которое никто не носил. О следе у пруда.

И о том, что кто-то в этой академии — кто-то, кто знает её привычки, кто-то, кто наблюдал за ней, — хочет, чтобы она копала.

Ада не верила в добрых самаритян. В Сент-Кае их не было.

Но она верила в то, что у каждого, кто толкает тебя в тёмный лес, есть причина. И эта причина — единственное, что может тебя спасти.

Она открыла тетрадь на последней странице и написала:

«Двадцать четвёртый — не ученик. Двадцать четвёртый — тот, кого нет в списке живых. Или того, кого в него ещё не вписали.

Пруд. Обрывок формы. Младшие классы.

Кто-то играет со мной. Или предупреждает.

Правило третье: если тебя ведут — иди. Но запоминай дорогу».

Она закрыла тетрадь и спрятала её под половицу.

За окном, в лесу, что-то шевельнулось. Ада не стала смотреть. Она легла и закрыла глаза.

Утро всегда приносит новые вопросы. Главное — дожить до утра.

Глава 2. Девочка из Мельбурна

Мира Кэллоуэй не спала три ночи подряд.

Первая ночь прошла в попытках понять, куда она попала. Вторая — в изучении правил, которые ей выдали при заселении: отбой в десять, подъём в шесть тридцать, форма обязательна, из здания после восьми не выходить, на территорию леса не заходить. Третья — в попытках понять, почему в её комнате на стене, прямо над кроватью, кто-то нацарапал на штукатурке четыре буквы: «БЕГИ».

Она не сказала об этом никому. Ни куратору, ни соседке — тихой девочке с вечно опущенными глазами, которая представилась Джун и больше не сказала ни слова. Ни даже Аде Блэквуд, хотя та была единственным человеком, который смотрел на неё не как на экспонат.

Мира приехала в Сент-Кай потому, что её брат приехал сюда три года назад.

Его звали Тео. Ему было семнадцать, когда он уехал, и он писал ей письма. Смешные, длинные, с рисунками на полях. Он рассказывал о преподавателях, о том, как в столовой подают ужасный пудинг, о том, как в библиотеке есть окно, из которого видно закат лучше, чем отовсюду. Он ни разу не упомянул, что здесь страшно.

А потом письма прекратились.

Сначала — на месяц. Потом — на два. Мира писала ему, звонила, писала снова. Ей отвечали: «Тео занят подготовкой к экзаменам». «Тео проходит курс реабилитации после болезни». «Тео переведён в другое учебное заведение». Каждый раз — новая версия, каждый раз — вежливо и без подробностей.

А потом пришло последнее письмо. Не от Тео. От академии. Сухое, на бланке, с подписью директора: «С прискорбием сообщаем, что ваш брат, Теодор Кэллоуэй, покинул академию по семейным обстоятельствам. Все документы высланы. Академия не несёт ответственности за дальнейшее».

Документы пришли. Свидетельство об отчислении. Копия заявления, написанного якобы рукой Тео. Подпись была похожа. Но Мира знала, как брат пишет букву «Т» — с закорючкой влево, потому что он так делал с детства. В заявлении закорючки не было.

Она не сказала об этом родителям. Они были рады: «Наконец-то он образумился, наверное, вернулся к нормальной жизни». Они не хотели слушать. Мира перестала говорить.

Она подала документы в Сент-Кай через полгода. Сказала родителям, что хочет «продолжить семейную традицию». Это была ложь, и ложь ей не понравилась, но выбора не было.

В первый же день она нашла пустую карточку с именем «Э. Вэйл».

Она не знала, кто это. Но карточка была новой — единственной белой среди выцветших. И место, на котором она лежала, было пустым. Мира знала, что это значит: в списках есть кто-то, кого нет в зале. Кто-то, кого стёрли.

Как Тео.

На четвёртый день она нашла Аду Блэквуд в библиотеке.

Библиотека Сент-Кая занимала бывшую часовню — высокие своды, витражи, заменившие образа, и запах старой бумаги, который не выветривался даже летом. Ада сидела в дальнем углу, у окна, и писала что-то в чёрной тетради. Перед ней лежала стопка газет — старых, пожелтевших.

Мира подошла.

— Можно?

Ада подняла голову. Секунду она смотрела на Миру так, как смотрят на уравнение, которое нужно решить. Потом кивнула.

— Садись.

Мира села. На столе между ними лежали газеты. «Вестник округа», трёхлетней давности. Заголовок на первой полосе: «Пропавший ученик найден мёртвым». Подзаголовок: «Полиция не исключает несчастный случай».

— Это прокого? — спросила Мира.

— Про мальчика. Эдгара Вэйла. — Ада не отвела взгляда. — Он учился здесь. Три года назад ушёл в лес и не вернулся. Нашли через неделю. В пруду.

Мира почувствовала, как холодеют пальцы.

— Три года назад.

— Да.

— Это... это тот самый год.

Ада прищурилась.

— Какой «тот самый»?

Мира глубоко вздохнула. Потом рассказала всё: о Тео, о письмах, о заявлении с поддельной подписью, о том, как её брат исчез из Сент-Кая без следа.

Когда она закончила, Ада молчала долго. Потом закрыла тетрадь и сказала:

— Ты понимаешь, что это значит?

— Что мой брат не уехал домой.

— Что твой брат — не первый. — Ада подвинула к ней газету. — Эдгар Вэйл ушёл в лес в октябре. Через месяц после того, как сюда приехал твой брат. Через два месяца после того, как перестали приходить письма от тебя.

Мира посмотрела на дату. Октябрь. Она пересчитала в уме: Тео приехал в сентябре. Письма прекратились в ноябре.

— Они пересеклись, — прошептала она. — Они были здесь одновременно.

— И оба исчезли. — Ада кивнула. — Один — мёртвым. Второй — «по семейным обстоятельствам». — Она помолчала. — В моей тетради три имени. Все — ученики, которые исчезли за последние два года. Все — «переведены» или «забраны родителями». Ни один не вернулся домой.

Мира смотрела на неё.

— Ты думаешь, они мертвы?

— Я думаю, что кто-то в этой академии знает, что с ними случилось. И этот кто-то хочет, чтобы я копала. — Ада достала из кармана белую карточку. — Вот. Мне оставили это ночью. На обороте — послание.

Мира прочитала: «Ты считаешь. Хорошо. Считаю дальше. Начни с пруда».

— Пруд, — сказала она. — Тот самый, где нашли Эдгара.

— Да.

— И ты туда ходила?

— Ходила. — Ада помолчала. — Нашла обрывок формы младших классов. У самой воды. Кто-то был там недавно.

Мира почувствовала, как в груди что-то сжимается.

— Мой брат носил форму младших классов, — сказала она тихо. — Когда приехал. Ему было пятнадцать.

Ада ничего не ответила. Но её взгляд изменился — стал жёстче и в то же время человечнее. Так смотрят люди, которые нашли не ответ, а направление.

— Ладно, — сказала она наконец. — Правило четвёртое: если хочешь узнать правду, найди того, кто уже врал.

— И кто это?

Ада улыбнулась — той самой улыбкой, которая Мире сразу не понравилась и сразу понравилась одновременно.

— Мисс Харлоу. Куратор первого курса. Она ведёт все списки. И она была здесь три года назад.

Глава 3. Мисс Харлоу

Мисс Харлоу было около сорока. Она носила строгие костюмы, очки в тонкой оправе и говорила тихо, так что ученикам приходилось наклоняться, чтобы её услышать. Это была её тактика: заставлять людей тянуться к ней. Ада знала это. Ада знала и то, что тихие люди слышат больше.

Они пришли к ней после уроков — Ада и Мира. Лин осталась в коридоре «на стрёме», как она выразилась, хотя Ада подозревала, что она просто не хотела идти.

Кабинет мисс Харлоу находился на втором этаже главного корпуса. Стены были увешаны фотографиями выпусков: ряды улыбающихся подростков в форме, с каждым годом всё более одинаковых. Ада нашла взглядом фотографию трёхлетней давности и поискала глазами Эдгара Вэйла. Не нашла. Его вырезали.

— Мисс Харлоу, — начала Ада, — мы хотели спросить про список первокурсников.

Куратор подняла голову от бумаг. Её лицо не изменилось, но пальцы на секунду замерли над клавиатурой.

— Что именно?

— В этом году двадцать четыре фамилии. А приехали двадцать три.

Пауза. Мисс Харлоу сняла очки и протёрла их платком. Движение было отработанным, спокойным. Слишком спокойным.

— Списки составляются автоматически, — сказала она. — Иногда бывают ошибки. Кто-то передумал, кто-то не приехал. Это нормально.

— Ошибки бывают каждый год? — спросила Мира. — В прошлом году было двадцать семь фамилий и двадцать шесть учеников. В позапрошлом — двадцать девять и двадцать шесть.

Мисс Харлоу посмотрела на неё. Взгляд был острым, как лезвие.

— Откуда вы это знаете?

— Из архива, — сказала Ада. — Он в открытом доступе.

— Архив не в открытом доступе для первокурсников.

— Я не первокурсница.

Мисс Харлоу помолчала. Потом положила очки на стол и сложила руки.

— Девочки. Я понимаю, что вы хотите найти объяснение тому, что кажется странным. Это нормально для вашего возраста. Но Сент-Кай — учебное заведение, а не место для игр. Если вы будете искать проблемы, вы их найдёте. И это не принесёт вам ничего хорошего.

— Мы не ищем проблемы, — сказала Мира. — Я ищу брата.

Мисс Харлоу моргнула.

— Теодор Кэллоуэй, — сказала Мира. — Он учился здесь три года назад. Он исчез. И я хочу знать, что с ним случилось.

Тишина в кабинете стала плотной, как вода. Мисс Харлоу смотрела на Миру долго. Потом сказала — тем же ровным голосом:

— Теодор Кэллоуэй был отчислен по семейным обстоятельствам. Документы подписаны его родителями. Я лично передавала их в архив. Если у вас есть вопросы, обратитесь к родителям.

— Подпись подделана, — сказала Мира. — Я знаю почерк брата.

Мисс Харлоу не отвела взгляда. Но что-то в её лице изменилось — едва заметно, как трещина на стекле.

— Это серьёзное обвинение, — сказала она тихо. — Вы понимаете, что можете ошибаться?

— Понимаю, — сказала Мира. — Но я не ошибаюсь.

Мисс Харлоу встала.

— Разговор окончен. Если у вас есть доказательства — предоставьте их директору. Если нет — я советую вам сосредоточиться на учёбе. — Она открыла дверь. — И ещё одно. В Сент-Кае есть правила. Одно из них — не входить в лес. Я надеюсь, вы его соблюдаете.

Они вышли. В коридоре Лин ждала их, прислонившись к стене.

— Ну что? — спросила она.

— Она знает, — сказала Ада. — И она боится.

— Боится?

— Когда она сказала про лес, у неё дрогнул голос. — Ада посмотрела на дверь кабинета. — Она не просто знает. Она знает, что там что-то есть. И она не хочет, чтобы мы туда совались.

Мира молчала. Она думала о брате. О том, как он писал ей письма, смешные и длинные. О том, как он ни разу не упомянул, что здесь страшно.

— Ада, — сказала она. — Нам нужно в лес.

Ада посмотрела на неё. Потом кивнула.

— Знаю. Но не сегодня. Сегодня мы найдём того, кто оставил карточку.

Глава 4. Тот, кто наблюдает

Вечером Ада сидела в столовой и ела суп, который не имел вкуса. Она смотрела на пер-вокурсников и считала.

Двадцать три. Снова двадцать три.

Она перевела взгляд на преподавательский стол. Мисс Харлоу сидела рядом с мистером Грейвсом и что-то тихо ему говорила. Директор кивал. Его лицо было непроницаемым, как стена.

Ада посмотрела на пустое место в конце стола. Оно всегда было пустым. Она никогда не задумывалась, почему.

— Кто-нибудь знает, чьё это место? — спросила она Лин.

Лин проследила за её взглядом.

— Не знаю. Оно всегда пустое. Я думала, это традиция.

— Традиция — это когда все знают, почему. А это — просто пустое место.

После ужина Ада вышла во двор. Было холодно, но небо было ясным, и звёзды висели над лесом, как чьи-то глаза. Она дошла до стены, отделявшей двор от леса, и остановилась.

На стене, у самого основания, кто-то нарисовал мелом стрелку. Она указывала в лес.

Ада присела. Меловая стрелка была свежей. Она провела по ней пальцем — мел остался на коже.

— Ты тоже это видишь?

Голос раздался сзади. Ада обернулась.

Мира стояла в десяти шагах, в пальто поверх формы, и смотрела не на стрелку, а на лес.

— Вижу, — сказала Ада.

— Это приглашение?

— Или ловушка.

Мира подошла ближе.

— А в чём разница?

Ада посмотрела на неё. В темноте лицо Миры казалось старше — резче, серьезнее. Она не боялась. Или боялась, но шла всё равно. Ада уважала это.

— Разница в том, — сказала она, — что приглашение заканчивается ответом. А ловушка — вопросом.

— Тогда пойдём и узнаем.

Они перелезли через стену. Это было нетрудно — стена была низкой, и кто-то уже вытоптал в траве тропинку.

Лес встретил их тишиной. Не той тишиной, что бывает в пустой комнате, а другой — живой, когда тишина дышит и ждёт. Ада включила фонарик. Луч выхватил стволы, ветки, мох.

Стрелки продолжались. На камне, на стволе дерева, на земле — маленькие, аккуратные, нарисованные одной рукой.

— Кто-то хочет, чтобы мы шли по маршруту, — сказала Мира.

— Или чтобы мы думали, что хотим.

Они шли минут десять. Лес становился гуще, стволы — толще, и в какой-то момент Ада поняла, что не слышит ничего, кроме их шагов. Ни птиц, ни ветра. Ничего.

Потом стрелки закончились.

Перед ними была поляна — небольшая, круглая, окружённая елями. В центре поляны стоял камень. Простой, серый, вросший в землю. На камне лежал предмет.

Ада подошла первой.

Это была фотография. Старая, помятая, с загнутым углом. На ней — трое подростков в форме Сент-Кая. Они стояли у пруда, улыбались. Один из них был Эдгар Вэйл — Ада узнала его по газетной фотографии. Второй — высокий, темноволосый. Третий — худой, с длинными руками.

На обороте фотографии было написано:

«Э., Т., М. — те, кто видел. Те, кого стёрли».

Ада перевернула фотографию. Под именами — ещё одна строчка, мелкая, как будто её дописали позже:

«Третий ещё жив. Ищите в западном крыле».

Мира взяла фотографию из рук Ады. Её пальцы дрожали.

— Это он, — сказала она. — Второй. Это Тео.

Ада посмотрела на третьего. Худой, длинные руки, тёмные волосы. Она знала это лицо. Видела его каждый день.

— Это Мэтти Уорд, — сказала она тихо. — Он учится на третьем курсе. Западное крыло. Он здесь.

Глава 5. Мэтти Уорд

Мэтти Уорд был тем самым парнем, на которого никто не обращал внимания. Он ходил, опустив голову, ел в одиночестве, никогда не поднимал руку на уроках и не смотрел в глаза. Учителя называли его «тихим». Ученики — «странным». Ада называла его «невидимым», и это было точнее всего.

Найти его оказалось просто. Он всегда был в библиотеке после уроков, в самом дальнем углу, за стеллажом с книгами по истории. Он читал — или делал вид, что читает.

Ада и Мира подошли к нему вдвоём. Лин снова осталась в коридоре — «на стрёме», но на этот раз Ада знала, что она просто боится.

— Мэтти, — сказала Ада.

Он поднял голову. У него были усталые глаза — такие бывают у людей, которые давно не спят.

— Привет, — сказал он тихо.

— Нам нужно поговорить.

Он посмотрел на них — сначала на Аду, потом на Миру — и что-то в его лице изменилось. Не страх. Скорее облегчение.

— Наконец-то, — сказал он.

— Что?

Он закрыл книгу.

— Я ждал, когда кто-нибудь начнёт задавать вопросы. Три года. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Я думал, вы никогда не начнёте.

Мира села напротив него.

— Ты знал Тео Кэллоуэя?

Мэтти посмотрел на неё. Долго.

— Ты его сестра, — сказал он. — Он говорил о тебе. Говорил, что ты самая упрямая. — Он помолчал. — Он был прав.

— Что с ним случилось?

Мэтти молчал. Потом оглянулся — проверяя, нет ли кого поблизости, — и наклонился вперёд.

— Всё началось с Эдгара, — сказал он. — Он был мой сосед по комнате. Мы дружили. Он был... любопытный. Как вы. — Он посмотрел на Аду. — Он начал замечать странности. Списки, которые не сходятся. Учеников, которые исчезают. Он начал копать.

— И что он нашёл?

— Подвал, — сказал Мэтти. — Под западным крылом. Там есть дверь, которую никто не открывает. Эдгар открыл. — Он замолчал. — Он не сказал мне, что там увидел. Только сказал, что это «нечто». Что это не люди.

Ада почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Что значит «не люди»?

— Я не знаю. Он не успел сказать. Через день его нашли в пруду. — Мэтти сглотнул. — А ещё через неделю Тео пришёл ко мне. Он тоже что-то нашёл. Он сказал, что Эдгар был не первым. И не последним.

— И что случилось с Тео?

Мэтти опустил глаза.

— Его забрали, — сказал он тихо. — Ночью. Я видел. Люди в форме, не наши. Они пришли в его комнату и увели. Он не сопротивлялся. Как будто... как будто знал, что бесполезно.

— Ты сказал об этом кому-нибудь?

Мэтти горько усмехнулся.

— Кому? Директору? Мисс Харлоу? — Он покачал головой. — Я пытался. Мне сказали, что я «впечатлительный» и что мне нужно больше спать. Потом меня перевели в западное крыло. В комнату Эдгара. — Он посмотрел на Аду. — Это была не случайность. Они хотели, чтобы я молчал. И я молчал. Три года.

— Почему ты не уехал? — спросила Мира.

— Потому что я боюсь, — сказал он просто. — И потому что я знаю, что они не отпустят. Если я уеду, они найдут меня. Или кого-то другого. — Он помолчал. — И потому что я надеялся, что кто-то придёт. Кто-то, кто задаст правильные вопросы.

Ада смотрела на него. Потом сказала:

— Кто оставил карточку в актовом зале? «Э. Вэйл»?

Мэтти покачал головой.

— Не я. Но я видел, кто это сделал. — Он понизил голос до шёпота. — Это был не ученик. Это был кто-то из персонала. Женщина. В форме садовника. Она подошла к пустому месту перед самым собранием и положила карточку. Я видел из окна.

— Ты знаешь её имя?

— Нет. Но я знаю, где она живёт. — Он посмотрел на них. — В сторожке у западного леса. Там есть домик, который все называют «садовничьим». Она живёт там одна.

Ада переглянулась с Мирой.

— Нам нужно туда попасть, — сказала Мира.

Мэтти кивнул.

— Я знаю. Но будьте осторожны. — Он снова оглянулся. — Они следят. Не только за вами. За всеми.

— Кто «они»?

Мэтти посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я не знаю, кто они. Я знаю только, что они не хотят, чтобы вы нашли то, что в подвале. — Он встал. — И ещё одно. Эдгар перед смертью сказал мне одну вещь. Он сказал: «Если я не вернусь, найди девочку, которая считает». — Он посмотрел на Аду. — Я три года не понимал, что это значит. Теперь понимаю.

Он ушёл, оставив их вдвоём среди стеллажей.

Мира смотрела на фотографию, которую всё ещё держала в руках.

— «Девочка, которая считает», — сказала она тихо. — Это ты.

Ада кивнула.

— Знаю.

— И что это значит?

Ада помолчала. Потом сказала:

— Это значит, что Эдгар знал, что кто-то придёт. И оставил послание. — Она забрала у Миры фотографию и посмотрела на неё. — Трое. Эдгар, Тео и Мэтти. Двое исчезли. Третий выжил, потому что молчал. — Она посмотрела на Миру. — Ты понимаешь, что это значит для нас?

Мира посмотрела на неё.

— Что мы следующие?

— Нет, — сказала Ада. — Это значит, что у нас есть преимущество. Мы знаем то, чего не знали они. Мы знаем про подвал. И мы знаем, что кто-то в академии на нашей стороне.

— Садовница?

— Садовница, — подтвердила Ада. — И мы пойдём к ней. Сегодня ночью.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.